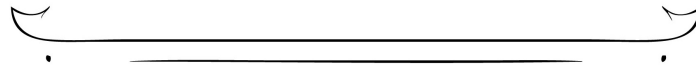

Р. Г. Назиров

Два лица города.
Рассказ

Стояла та жестокая и весёлая погода, когда дожди покуда прекратились, а снег ещё не выпал. В голодном небе клонилось к закату белое никелированное солнце. По безлюдной улице в центр города спешил человек.

Человек был высокого роста, в длинном сером пальто и тёмной шляпе. Шею его окутывал клетчатый шарф. Человек летел, как на крыльях, по временам прикладывая руку в перчатке к кончикам малиновых ушей, выглядывавших из-за поднятого воротника пальто.

Вдоль улицы в два ряда тянулись деревья. На некоторых листья ещё не облетела. Движение здесь было слабое, и человек шёл прямо по проезжей части: сначала под ногами его была замёрзшая земля, затем булыжная мостовая. Сухие листья шелестели в такт его шагам.

Вокруг стояли старые деревянные дома с тонкими резными наличниками, иногда с флюгерами на крышах. В одном полуподвальном окне человек с клетчатым шарфом увидел проложенную между рамами вату, еловые шишки и двух сидевших среди ваты фаянсовых собак с красными бантами на шее. Человек улыбнулся, глядя на эти наивные собачьи морды

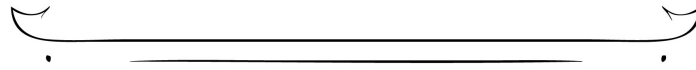
Повернув за угол, он ступил на гладкий новый асфальт, задорно звучащий под каблучками. Здесь начиналась одна из магистральных улиц города, полная автомобилей и людей. Новый пятиэтажный дом с «Гастрономом» выделялся своей ярко-розовой штукатуркой. Возле «Гастронома» лотошница в белом халате поверх полушубка торговала мороженым, хотя было несколько градусов ниже нуля. В глазах человека с шарфом снова мелькнула искорка юмора.

По мере приближения к центру движение становилось всё сильнее

Зажигались первые огни в окнах домов. Кончился сеанс в кино, и толпа людей, застёгивая пальто, с шумом повалила из дверей кинотеатра. Человек с шарфом перестал улыбаться. Вежливо, но настойчиво он пробирался сквозь толпу, а выйдя из неё, ещё более ускорил шаг.

Через минуту он остановился на шумном перекрёстке, где большим серым кубом возвышался главпочтамт. Посмотрел на высокий циферблат электрических часов. Две неподвижных стрелки замерли, затаились под его взглядом. Но вот одна из стрелок, длинная к тонкая, не выдержала напряжения, нервно перепрыгнула с одного деления на другое. Человек снял шляпу и провёл рукой по нависающим надо лбом густым волосам. Лицо его оставалось спокойным, только чаще ходила грудь, расширились зрачки и крепче стала краска на скулах.

Ещё три минуты. Под этими часами обычно сходятся мальчики с первыми папиросами в зубах и девочки с тонкими косами. Когда-то и он впервые пришёл сюда и поджидал свою первую любовь. Как давно это было! Но опять вернулась и стучит в висках сумасшедшая юная страсть, и значит не смогли похоронить её четыре года почти без писем и полторы тысячи километров.

Он надевает шляпу и смотрит вокруг.

На секунду его взгляд вылавливает в толпе изящную женскую фигурку, отвлекается к другим, возвращается снова. Неужели она? Идёт в эту сторону, смотрит — она! Человек с шарфом срывается с места.

Несколько секунд они стоят посреди перекрёстка, держась за руки, затем под яростными взглядами шоферов переходят на тротуар.

— Рита, дорогая!

Пахнет сиренью, любимыми её духами. Свежее, дерзкое лицо Риты ничуть не изменилось: те же чуть худощавые щёки, и карие глаза с

Густыми ресницами, и волевой загнутый рот; слегка дрогнувший в тёплой улыбке. При виде этих глаз и этого рта у него, сохнет горло. Нет, ничего не изменилось. «Рад? Очень. А ты рада? Я тоже», — говорят глаза.

Темнеет. Они идут, приглядываясь друг к другу. Кругом огни, течёт толпа. Далеко в перспективе улицы неразличимый трамвай выскочил из проводов крупную голубую искру. Они не торопятся, идут. Он ощущает округлость её руки. Наклоняется, шепчет ей: «Рита, хорошая девочка!» Она обрывает: «Игорь, брось чудить... Смешно же обниматься на главной улице».

— Надолго приехала?

— На две недели, — отвечает она. — Ох, как я отвыкла от нашего города! Здесь всё такое маленькое ...

И через минуту разговор уже мчится галопом, закусив удила: она выкладывает новости о Москве, общих московских знакомых, расспрашивает, кто остался в родном городе.

— Ну, а ты? Как ты здесь жил без меня? Судя по внешнему виду, ты преуспеваешь!

— Как сыр в масле катаюсь.

— Сколько зарабатываешь?

— Восемьсот.

— Значит, после окончания института молодой специалист решил пойти в цех?

— Значит, так.

— Я ожидала от тебя большего.

Игорь не ответил и стал насвистывать джазовую песенку. Рита властно бросила, не поворачивая головы:

— Сейчас же перестань свистеть.

— Слушаюсь, — ответил он.

— Значит, ты доволен жизнью?

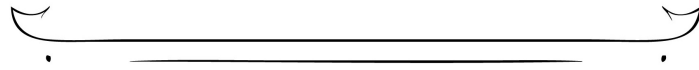
— Мы всегда чем-нибудь не довольны.

— А конкретно?

— Конкретно? Хорошего мало.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Наверное, сам виноват. На работе всё время грызусь с начальством. Рабочие относятся хорошо, а старший инженер считает выскочкой. Дескать, желторотый птенец с дипломом. А я своё дело знаю

и буду знать ещё лучше, Ему хочется работать спокойно, через пень колоду валять. Ночи за преферансом проводит, зарабатывает себе пенсию и инфаркт. На все наши мальчишеские дерзания смотрит с этакой узенькой мудрой усмешкой: всё, мол, это знаю, всё испытал... Мне даже страшно думать, неужели мы тоже будем такими.

— Игорь! — тихо произнесла Рита. — Признайся, неужели ты неудачник?

— Неудачник?

Он слегка удивился, с сомнением покачал головой.

— Нет, почему же? Я не считаю себя неудачником. Мы тут вчетвером сделали одну штуку, приоритетная справка в кармане, но на заводе дело стопорят, говорят, не можем срывать квартальный план. Написали в центр, и вот не знаю ...

— Холодно что-то,— перебила его Рита. — Зайдем сюда. И она кивнула на сияющие окна нового кафе.

Они вошли и сдали пальто гардеробщице. Рита с любопытством осматривалась.

— Ничего, приличненько.

Они выбрали столик в углу, заказали кофе и пирожные. Здесь, при ярком свете, Игорь мог лучше разглядеть её. Нет, все же в ней что-то изменилось. Лицо стало твёрже и значительнее, да и вся она словно выросла.

— Что ж ты ничего не скажешь о моём платье?

— Платье замечательное. Последний крик моды.

— Нет, не последний,— со вздохом призналась Рита.— Здесь-то да, а там уже не последний. Но всё же скопировано с парижского журнальчика. Опоздание на два месяца — это неизбежно. Такие вещи проходят через сотни рук.

— Как же ты добыла этот журнальчик?

— Этот журнальчик достал мне один человечек,— комически важно объяснила Рита.

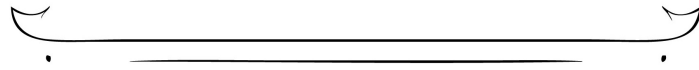
Подошла девушка с подносом. Игорь, попивая кофе, потихоньку наблюдал за Ритой. Ведь это очень важно, как человек ест и пьёт. Часто Игорь где-нибудь за столом невольно примечал, как держится та или другая девушка: смеётся и болтает, жеманно отставив мизинчик, кокетничая глазами, улыбкой, каждым поворотом тела, роняя крошки и не подозревая о мельчайшем остатке пищи в углу рта. Человек проявляется в мелочах! Всё это мелкое кокетство было чуждо Рите. Внушительная, улыбающаяся, она держалась естественно и непринуждённо. Вот она допивает кофе и поверх чашки, показавшей дно пристально взглянули на Игоря её жгучие от удовольствия глаза. И глаза эти на момент тоже показали своё дно, и он прочёл в её взгляде только гордость и упоение его преданностью.

Тихо улыбаясь и разглаживая скатерть, Игорь попросил:

— Ты бы всё-таки рассказала, много там у тебя человечков? — Не так уж много, не так уж мало. Два или три весёлых студента, из лучших семей, один сценарист, пролаза, арап — негде пробу ставить!

— Что же тебя с ним связывает? — Игорёк, надо иметь чувство юмора! Он бесподобно рассказывает анекдоты, и как раз ему я обязана этими журнальчиками. Чем не достоинство?

— Кто еще?

— Ещё один артист, сильно избалованный женщинами, но мы его школим. Подающий надежды аспирант — девчата его не любят, он не приживётся в нашей компании. И наконец, особняком стоит красивый седой инженер тридцати пяти лет, изобретатель, специалист по каким-то очень тонким штучкам с грифом «совершенно секретно».

Она рассказывала о беспорядочных и шумных сборищах, о московском хлебосольстве, цветах среди зимы и сотнях, выброшенных за ночь на такси. Каждая её фраза дышала снисходительным презрением к городу, в котором она родилась.

— Чем тебе не нравится родимое захолустье? — не выдержал Игорь. — Чем оно хуже Москвы?

Она даже удивилась.

— Ну, Игорь! Ты не прав. Существует действительно большая жизнь — это жизнь крупных центров цивилизации. Нельзя говорить, что наш город хоть в чём-то равняется Москве или Ленинграду. Там всё кипит! Выйди-ка в субботу вечером на улицу Горького: какое скопление нарядов и лиц! Футбольные матчи привлекают по ста тысяч человек. В театрах я вижу «всю знать и моды образцы», Можно на расстоянии нескольких шагов увидеть индийского премьера или какого-нибудь короля или императора. Если повезёт, можно поцеловаться с французом, в которого влюблены все девушки в мире. А то идёшь по улице, и нежданно-негаданно попадаешь в кинохронику, а её будут смотреть миллионы людей. Где-нибудь на Волхонке, перед автопортретом старого Рембрандта в белом колпаке или перед «Акробатами» розового Пикассо ты можешь завязать блестящее знакомство. Один раз я была на приёме в польском посольстве. Да что говорить! Там бьётся пульс эпохи. Только там человек со вкусом может сделать себе жизнь, как он хочет. Самые изящные женщины и самые предприимчивые мужчины со всех концов страны слетаются на огни московских бульваров. Что ты, Игорь! Ты патриот родного города? Очень хорошо, но позволь мне думать по-своему. Все родные города в мире я отдаю за шум столицы и жизнь через край, как пена шампанского ...

— Это не твои слова.

— Я говорю, что думаю! — гордо ответила Рита.

— Может быть, и всё же это не твои слова. Ты подумай, не горячись, Москва — сердце России, это так. Но ведь Россия везде Россия, будь то Москва, рязанская деревня Константиновка или наш город. Да, я люблю этот город, а через него всю страну. Как тебе выразить?

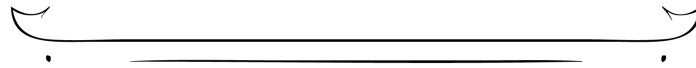
В твоих словах перемешивается правда с фантазией. Что это за красивая жизнь, которую ты рисуешь? Жизнь без забот?

— Вот именно!

— Риточка, такой не бывает жизни. У Москвы больше забот, чем у любого другого города в мире.

— Только ради бога не вздумай цитировать мне передовую статью из «Комсомольской правды».

— Да нет, к чему передовые статьи? Будем говорить просто. У людей, которые красиво живут, тоже много забот. Литературные жучки боятся, что их перестанут пускать

в редакции. Липовых кандидатов страшит, что у них отнимут учёную степень. Бильярдные шулера вечно живут в ожидании побоев ...

— А ты сегодня не слишком вежлив, Игорь.

— Прости. Я не хотел тебя обидеть. Но раньше мы говорили по-другому...

— А что мы тогда понимали!

— Нет, это ты зря. Когда мы познакомились...

— Сто лет назад! — воскликнула Рита. — Мальчик и девочка на школьном вечере спорили об искусстве.

— Да нет же, не на вечере. Это было в парке.

— Игорь, я хорошо помню, что на вечере.

— Вечер был во второй раз. Познакомились мы в парке. Мы с Петром подошли к тебе в беседке на горе. Ты стояла и смотрела на другой берег. На тебе было белое платье с красной отделкой.

— Смотрите-ка, что он помнит! — пробормотала поражённая Рита

— Ты знаешь, я ведь сперва тобой не слишком интересовался, потом я увидел твои руки. Белое платье очень шло к загорелой коже. Руки у тебя были прямо-таки шоколадные и нежные, как у ребёнка. Они и теперь почти такие же. Только теперь маникюр — и ещё в те годы у тебя вот здесь шли голубые жилки, как швы на верхней стороне перчатки. Больше их нет.

— Видимо, питание улучшилось! — с ясным смехом ответила Рита, но руки не отняла.

— Если бы я был художником, я бы написал тебя только в возрасте семнадцати лет и только в том белом платье.

Они умолкли на минуту, смутно улыбаясь бродившим в них воспоминаниям. Да, время идёт...

— Это было хорошо, — сказал Игорь.

— Хорошо, но немного по-детски, — ответила Рита.

— Кафе закрывается, — сказала усталая официантка, глядя на них материнским взглядом.

Они оглянулись. Кругом было пусто.

— Не хотела вас беспокоить, — извиняющимся тоном добавила официантка, — но ничего не поделаешь.

На улице было совсем темно. Только окна домов, витрины и рекламы горели во мраке ночи. Парными светящимися точками двигались автомобильные фары. Игорь и Рита шли медленно, молчали, морозило. Рита о чём-то думала, рассеянно отвечала Игорю. Это была невесёлая прогулка.

Подходя к дому своего дяди, у которого она жила, Рита неожиданно спросила:

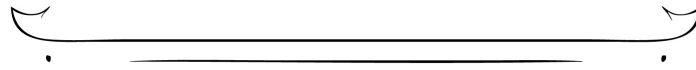
— Игорь, ты честолюбив или нет?

— Не знаю, право, — ответил он, — никогда не задумывался.

— У честолюбцев кровь богаче железом, — задумчиво сказала Рита.

— Знакомая фраза!

— Из Бальзака. Это говорит не то каторжник Вотрен, не то какая-то аристократка. Ты думаешь, это несовременно?

— Да нет, я ничего не говорю,— устало ответил Игорь. Они остановились у её подъезда.

— Ладно, Рита, иди спать, — грустно сказал Игорь. — Завтра мы встретимся?

— Ну, конечно! Приходи с утра.

— С билетами?

— Приходи с билетами. Вид у неё стал немного задумчивым. Игорь уже собрался уходить, как вдруг Рита остановила его:

— Ты не хочешь меня поцеловать? Он смешался и порывисто обнял её.

— Дай губы! — шепнула Рита. — И ещё хочу... И всё равно ещё ... Милый! Милый!

От этих поцелуев у Игоря гудело в голове, и ноги слегка заплетались, когда он наконец ушёл. Но ясный, уверенный голос Риты вновь окликнул его:

— Игорь! Приходи завтра без билетов, будем думать вместе!

— Хорошо.

Он ушёл. Он ничего не мог понять. Что с ней делается? Это совсем не та Рита! Да и сам он, видимо, изменился. Ведь собственное изменение чувствуешь только по реакции других людей. Злое и тоскливое настроение постепенно овладевало им. Рита улыбалась ему, целовала и шептала нежные слова, но всё равно — они как будто стали чужими.

Игорь принял решение: завтра поговорить с Ритой по-настоящему. Он не мог допустить, чтобы мечта уплывала из рук. Ночью ему не спалось.

Он ворочался в постели, думал о Рите и вспоминал без конца. Жениться на Рите? Эта мысль заставила его вскочить. Жениться на Рите ... Чорт возьми, а что он, собственно, знает о ней? И тут же с презрением обрывая себя: что за вздор, да ведь это же Рита, она, та самая!

Утром он побрился и помчался к ней. На звонки никто не открывал. Наконец, из соседней квартиры выглянула пошлая женщина:

— Вы к Костроминым? Их никого нет дома.

— Сегодня ж воскресенье, они не работают, — вслух подумал он.

— Нет, не работают. Они на аэродроме. Поехали Риточку провожать. А вас как зовут?

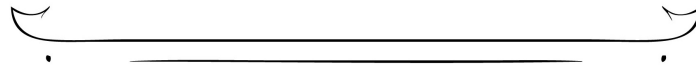
— Игорь, — медленно ответил он.

— Вам письмо. Тихо, очень тихо спустился Игорь по лестнице и вышел на улицу. Он был потрясён. Небо такое серое. Но самое удивительное — он словно ожидал чего-то подобного. Прислонился к железной изгороди и разорвал конверт.

«Игорь, дорогой!

Когда ты начнёшь разбирать мои иероглифы, я уже буду лететь в Москву. Я приехала не на две недели. Сказать всё прямо оказалось очень трудно. Этим приездом я отдала последнюю дань прежней нашей романтике. Хотела проверить, что даёт первый вариант.

Твой характер изменился к худшему. Ты был остроумный и одновременно мечтатель. Теперь ты пессимист, и осталась лишь одна твоя нетерпимость. Но я тебя никогда не забуду, герой моего первого романа! Только я хочу, чтобы мой мужчина принадлежал мне без остатка.

Это присказка, а сказка будет впереди. После весны наступает лето, вместо подснежников цветут розы. Я выхожу замуж. За красивого седого инженера тридцати пяти лет. Он одинок и любит меня без памяти. Бывает?

Представь себе пальмы и Чёрное море. Волны с белыми барашками набегают на берег. Сильный и зрелый мужчина берёт меня за руку: «Хотите быть моей королевой?» Я сказала, что он мне нравится, но пусть даст три месяца на размышления. Скоро этот срок окончится, но я уже решила. Буду королевой! В этом сермяжная правда, она же посконная.

Конечно, ты тоже мог бы сделать мне предложение. Только я не желаю превращаться в героическую провинциальную жену. Я сделаю из своей жизни сплошную музыку. Мне надоело считать копейки, во мне есть сила на тысячи вольт! Самолёт мой улетает утром. Не ругай меня, мне очень больно расставаться с тобой. Тебе нужна верная спутница, ты её найдёшь. Я другая. Мне очень жаль. Прощай мой мальчик, целую тебя в последний раз!

Р. К.»

Игорь порвал и выбросил письмо. Приходилось возвращаться домой.

Стояла всё та же мрачная и жестокая погода, когда дожди уже прекратились, а снег ещё не выпал. В небе не было видно солнца. Около ядовито-розового «Гастронома» посиневшая мороженщица била ногой об ногу.

Деревья по сторонам улицы были уже наги, только на некоторых ещё удерживалась обвисшая листва цвета грязной обёрточной бумаги: это производило впечатление безнадёжного упрямства.

Подул ветер, и отвратительная крупка начала сечь лицо Игорю.

Он открыл дверь своего дома и увидел, что к нему пришли: на вешалке висело кожаное пальто и чёрная морская шинель. В комнате сидели двое молодых людей.

— Встать! Смирно! — крикнул один из них, вскакивая при появлении Игоря.

— Где ты пропадал вчера вечером? — спросил другой

— У меня было свидание, — ответил Игорь.

— Ты со своими свиданиями царство божие проворонишь. Пришёл ответ из Москвы.

— Дай сюда!

— Он у Генки.

— А где Генка?

— Побежал за шампанским.

— Энтузиаст! — пробормотал Игорь. — А что в письме?

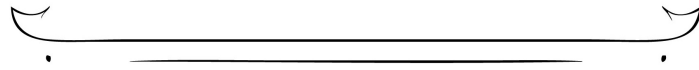
— Категорическое «да»! Они обнимали его, трясли и заглядывали в глаза. Радость товарищей заражала и его.

— Победа, генерал, — говорили они, — победа!

— Подождите! — ответил он. — Это только начало. Если мы представим вовремя всю документацию, тогда, конечно...

Он подошёл к окну и отвёл занавеску.

— Смотрите, ребята, снег идёт! Друзья подошли к стали у него за плечами. Игорь смотрел, не отрываясь. От падающего снега лицо города волшебным образом изменилось. Город словно помолодел. Он стал прекрасен.

Рита уже летит в Москву. Ну, что ж, пускай! Будь счастлива, если сумеешь. А впрочем, нет — зачем кривить душой? Он не желал ей счастья.

Снег падал и становился всё гуще. И по первому снегу, по белому бархату неуклюже бежал маленький человек в очках, державший две огромные бутылки.